

3. Graves, R. Good-bye To All That: An Autobiography by Robert Graves – London, 1929. – 347 p.
4. Межерицкий, Я. Ю. Клавдий: историк и император // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Под ред. В. М. Строгецкого. – Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. институт, 1991. – С. 56 – 71.
5. Гай Светоний Транквилл, Жизнь двенадцати цезарей/ Гаспаров М. Л., Штаерман Е. М., отв.ред. Утченко С. Л. – М., изд-во «Наука», 1993. – 367 с.
6. Грейвз, Р. Я, Клавдий / пер. с англ. Г. Островской – М.:Эксмо; СПб.: Домино, 2006. – 527 с.
7. Грейвз, Р. Божественный Клавдий / пер. с англ. Г. Островской – М., СПб., 2006. – 592 с.
8. Canary, Robert H. Robert Graves – Boston , 1980. – 167 р.
9. Паттерсон, Дж., Военная организация и социальные перемены в поздней римской республике// Patterson J. Military organization and social change in the later Roman Republic // War and society in the Roman world / Ed. by Rich J., Shipley G. – L.; N.Y., 1993. – P. 92 – 112. // Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам. Война и античное общество. (Современная зарубежная историография) Реферативный сборник, М., 2004. – 132 с.
10. Mehoke, J.S.R. Graves: Peace-weaver. – Mouton, 1975. – 168 p.

О. В. Разумовская,

канд. филол. наук, доцент (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия)

**«ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ» ДЖОНА МИЛТОНА И АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
(ПРОБЛЕМА «ИДЕНТИФИКАЦИИ» ПРОТОТИПОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ ПОЭМЫ)**

Статья посвящена анализу интерпретации основных идей и центральных образов милтоновского религиозно-философского эпоса «Потерянный рай» критиками советского периода (Р. Самариным, А. Аникстом, А. Чамеевым). Одним из наиболее популярных методов отечественного милтоноведения был поиск исторических прототипов главных героев поэмы, в результате чего фигура Люцифера нередко рассматривалась как собирательный образ революционера либо, напротив, портрет «врага свободы» – английского монарха Карла I, а в ряде интерпретаций приобретала черты самого поэта. В докладе анализируются примеры искажения изначальных смыслов и контекстов милтоновской поэмы в советской критике.

Ключевые слова: Джон Милтон; Люцифер; прототип; пурitanство; советская критика; эпос

O.V. Razumovskaya,

PhD, Ass.Professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia)

**JOHN MILTON'S 'PARADISE LOST' AND THE ENGLISH REVOLUTION (THE PROBLEM OF SEARCH
FOR THE PROTOTYPES OF THE PROTAGONISTS OF THE POEM)**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the interpretation of the main ideas and central images of Milton's religious and philosophical epic «Paradise Lost» by critics of the Soviet period (R. Samarin, A. Anikst, A. Chameev). One of the most popular methods of Soviet Milton studies was the search for historical prototypes of the main characters of the poem, as a result of which the image of Lucifer is perceived as a collective image of a revolutionary or, on the contrary, a portrait of the "enemy of freedom" – the English monarch Charles I, and in a number of interpretations acquires the features of the poet himself. The article examines examples of distortion of the original

meanings and contexts of Milton's poem in Soviet criticism.

Key words: John Milton; Lucifer; prototype; puritanism; Soviet critical studies; epic

Учебную программу по истории зарубежной литературы любого филологического факультета невозможно представить без «Потерянного рая» Милтона, а изучение «Потерянного рая» сложно осуществлять без анализа исторического контекста породившей его эпохи и рассмотрения политических и религиозных взглядов его автора. Однако понимание таких явлений и событий, как Реформация в целом и своеобразие ее английского варианта, а также пуританство и буржуазная революция, нередко вызывает у учащихся затруднения, и в этом случае отсылка к критике и дополнительной литературе по теме может еще больше усложнить ситуацию. В первую очередь это справедливо в отношении отечественной традиции милтоноведения, так как она во многом опирается на ту идеиную платформу, которую заложил Биссарион Белинский своими высказываниями о «Потерянном рае», а именно: ««Потерянный рай» замечателен как литературный отголосок мрачного пуританизма и грозных времён Кромвеля» («Сочинения Александра Пушкина», статья 7, 1844) [1]. Другое его высказывание о «Потерянном рае» обрело статус краеугольного камня советского милтоноведения (ни одна отечественная работа о «Потерянном рае», изданная в XX веке, не обходится без воспроизведения этой цитаты): «Поэзия Мильтона явно произведение его эпохи: ...он в лице своего гордого и мрачного сатаны написал апофеозу восстания против авторитета» («Взгляд на русскую литературу 1847 года», статья первая) [2].

Примечательно, что сам Белинский выдвинул свой броский тезис с двумя дублирующими друг друга оговорками, и в полном виде он звучит так: «...сам того не подозревая, он в лице своего гордого и мрачного сатаны написал апофеозу восстания против авторитета, хотя и думал сделать совершенно другое» [2] (курсив наш – О.Р.). Белинский подчеркивает, что замысел Мильтона и получившийся результат расходятся, объясняя этот разрыв важной для его собственного критического мировоззрения идеей: «Так ... действует на поэзию историческое движение общества» [2]. Для Белинского это способ выступить против «исключительно эстетической критики, которая хочет иметь дело только с поэтом и его произведением, не обращая внимания на место и время, где и когда писал поэт, на обстоятельства, подготовившие его к поэтическому поприщу и имевшие влияние на его поэтическую деятельность» [2]. Для большинства советских англистов, в силу идеологических причин, этот подход оказался актуальным и оправданным.

Одним из первых тезис про апофеозу восстания воспроизвел в своей монографии классик советской англистики Роман Михайлович Самарин. Собственно, так – «Апофеоза восстания» – называется глава его книги «Творчество Джона Мильтона» (1964), посвященная «Потерянному раю». При этом Самарин отказывается от тенденции напрямую отождествлять Сатану в поэме с образом революционера в целом или конкретного политического деятеля английской истории: «Уже Вильмэн, Шатобриан и Тэн проводили между поэмой Мильтона и его эпохой плоскую, хотя и эффектную параллель, заключающуюся в том, что за Сатаною и богом видели просто революцию и монархию. Параллель эта неверна хотя бы потому, что для Мильтона революция была неразрывно связана с победой Добра и Закона, делалась во имя их, вела к победе над Злом, т. е. над Сатаной, который выступал носителем отрицательного и разрушительного начал... Сатану никак нельзя отождествить с идеей революции» [3, с. 262]. Однако сам исследователь приводит многочисленные параллели текста поэмы с узнаваемыми историческими реалиями, например, «известный комментарий Мильтона к одной из тирад Сатаны: «Так говорил Сатана, оправдывая необходимостью злое дело, как поступают всегда тираны» (П. Р., IV, 303 – 304), – сопоставляется со словами Кромвеля, сказанными относительно казни Карла I: «Это была страшная необходимость» [3, с. 264].

Сам исследователь отмечает противоречивость метода, но и полностью отказаться от него не может: «Нельзя банально отождествлять Карла I с Сатаной. Но нельзя и пройти мимо историко-литературных фактов, которые доказывают, что Мильтон, заклеймив сломленную тиранию Стюартов в «Иконоборце», восставил против нее вновь в поэме, ибо тирания была реставрирована и требовалась новые усилия для ее свержения» [3, с. 298].

Однако единого вектора в историко-биографическом подходе у Р.М. Самарина не выявляется; так, образ Люцифера предстает у него и результатом переосмыслиния личности и поступков Карла I, и проекцией идей и чувств самого поэта: «История великого мятежника, к тому же поверженного, не могла оставить равнодушным Мильтона, все творчество которого в 40-50-х годах защищало именно идею «восстания против авторитета». Тем ближе должен был стать образ Сатаны Мильтону в начале 60-х годов, когда поэт каждодневно чувствовал себя «поверженным ангелом», уязвленным в своей гражданской и личной человеческой гордости, постоянно унижаемой в эпоху Реставрации» [3, с. 269].

Таким образом, еще в ранних советских трудах по милтоноведению намечается противоречивая и субъективная, но довольно стойкая тенденция отождествлять самого неоднозначного персонажа «Потерянного рая» – Люцифера – с одной стороны, с «тираном» Карлом I, с другой – с образом революционера как собирательной фигуры, или конкретнее – Оливером Кромвелем, а также с самим поэтом, принадлежавшим к партии пуритан-республиканцев. На этом фоне еще более неожиданной представляется попытка отечественного исследователя провести параллель между образом Мессии-воителя и предводителем пуритан: «Кровавый и грозный Мессия, торжественно мчащийся по телам поверженных врагов, – образ большой и мрачной силы. В нем нашел себе воплощение тот пуританский бог, во имя которого кирасиры Кромвеля резали после разгрома при Незби безоружную ирландскую челясть Карла I и десятками тысяч истребляли католиков во время ирландской войны, чувствуя себя, вероятно, теми ратниками воинства божия, чьи подвиги воспел и Мильтон в батальных эпизодах своей поэмы» [3, с. 284]. Несмотря на подобные очевидные противоречия (с Кромвелем и его приверженцами сопоставляются Иисус и небесное воинство, а также Сатана и его приспешники), Р.М. Самарин не отказывается от своего метода, хотя в рамках его применения полемизирует с другими его представителями: в «Истории всемирной литературы» (том IV), в главе, посвященной «Потерянному рай», он называет ошибочными «поиски тех мильтонистов, которые выискивают по крупицам детали поэмы, якобы доказывающие тождество Сатаны с Кромвелем, а бога с королем» [4, с. 207].

Нельзя не учитывать, что даже с позиций советской англистики милтоновский Люцифер воспринимался как антагонист поэмы, а соотнести образ революционера (пусть даже такого неоднозначного, как Оливер Кромвель) со статусом отрицательного персонажа было бы небезопасно с идеологической точки зрения (тем более что в силу выраженного противопоставления образов Люцифера и Бога-Отца, а также Мессии подобное соотнесение автоматически делало бы последних подлинными протагонистами «Потерянного рая», что полностью соответствовало замыслу Мильтона, но не вписывалось в советскую идеологию, диктовавшую литературной критике основные принципы и подходы к изучению и оценке художественных произведений). Поэтому Р. М. Самарин находит своего рода компромисс, позволяющий совместить историко-биографический подход с идеологически «правильным» отождествлением персонажей поэмы: Сатана объявляется воплощением не тираноборческого, а аристократического и монархического (тиранического) начала, (что, за вычетом проведения прямых параллелей с историческими деятелями, не противоречит идеи самого Мильтона): «...аристократическое начало воплощено в Сатане, которого Мильтон называет и императором, и султаном, и тираном» [4, с. 207]. Эта же линия, по мнению ученого, получает свое развитие в поэме «Возвращенный рай»: «Сатана, который во второй поэме теряет свое обаяние гордого мятежника, приобретает еще более выразительные черты английского вельможи, «кавалера» [4, с. 209].

Аналогичные тенденции прослеживаются в методологии еще одного выдающегося отечественного ангlista, автора вступительной статьи к произведениям Джона Мильтона в серии «Библиотека всемирной литературы» (1976), Александра Абрамовича Аникста. Исследователь предостерегает читателей от поиска параллелей между событиями и героями «Потерянного рая» с историческими реалиями милтоновской эпохи: «Мильтон настолько дышит духом своего времени, что забывается и вводит в свое описание битв небесных ратей артиллерию! Но мы ошибемся, если будем искать в "Потерянном Рае" прямых аналогий с современностью поэта» [5, с. 19]. Это не мешает самому ученому находить автобиографические параллели некоторых образов его

обеих поэм: «Мильтон позволил себе наделить Христа чертами собственной личности. Вот, например, что рассказывает о себе Христос в «Возвращенном Рае»:

...Будучи ребенком, не любил
Я детских игр, мой ум стремился к знанию,
К общественному счастию и благу.

Это не вяжется с ортодоксальным религиозным взглядом на личность Христа, но зато в полной мере соответствует тому, что мы знаем о Мильтоне... Если в образе Сатаны отразился мятежный дух самого Мильтона, в образе Адама – его stoическая непреклонность в борьбе за жизнь, достойную человека, то фигура Христа воплощает стремление к истине и желание просветить людей» [5, с. 23]. В «Истории английской литературы» А.А. Аникет высказывается более прямолинейно: «Вся поэма – смелый вызов торжествующей реакции. Многие эпизоды борьбы между Богом и Сатаной содержат отзвуки гражданской войны между королём и парламентом, что особенно подчёркивается таким анахронизмом, как использование артиллерии в битвах между силами неба и ада. Речи персонажей, полные библейского пафоса, содержат явные отголоски парламентского красноречия и публицистики эпохи» [6, с. 119].

Сергей Дмитриевич Артамонов, автор «Истории зарубежной литературы XVII-XVIII веков», написанной в соавторстве с Р. М. Самариным и З. Т. Гражданской, выстраивает свою трактовку замысла и пафоса поэмы вокруг идеи, что Сатана, фактически, является протагонистом поэмы, и не обходится без поиска исторических прототипов этого образа: «Сатана в поэме не одинок. Его окружают тьмы и тьмы сподвижников, пошедших за ним и также низринутых Богом с небесных высей. Повстанцы обсуждают свое положение. Выступают с трибун важные и красноречивые ораторы. Их слова и речи вызывают крики одобрения, рукоплескания. Все это напоминает бурные заседания английского парламента в годы революции» [7, с. 167]. В другом месте: «Не праведно порабощать законом свободное существо, поставлять царя над равными и облекать его высочайшим могуществом», – говорит Сатана. В этой реплике отзвуки тех речей, которые произносились с трибун в Англии в дни суда над Карлом I» [7, с. 166]. «В поэме много черт современной Мильтону эпохи. Полки сражающихся небесных и падших ангелов сходятся в битве, подобно войскам Кромвеля и короля. Сатана изобрел и применил порох, пушки, будто события совершаются не в доисторические времена Иеговы, а в дни Мильтона. Возникает вопрос: не является ли библейский сюжет о восстании ангелов, использованный Мильтоном, иносказательной историей английской буржуазной революции XVII в. и не вложил ли поэт свои мысли о вожде этой революции Кромвеле в символический облик своего героя – Сатаны?» [7, с. 166].

На этот, казалось бы, риторический вопрос своего старшего современника отвечает Александр Анатольевич Чамеев, автор раздела по английской литературе в учебнике «История зарубежной литературы» под редакцией З.И. Плавскина (1987): «Было бы неверно, разумеется, видеть в «Потерянном рае» иносказательную историю английской буржуазной революции, проводить прямые параллели между восстанием падших ангелов в поэме Мильтона и «великим мятежом» пурitan...» [8, с. 234]. Однако там же утверждается, что «поэту-революционеру, в годы Реставрации познавшему горечь поражения, психологически легче было «взяться» в роль поверженного ангела, нежели в образ победоносного Бога. Рисуя облик проигравшего сражение, но не покоренного Духа, автор наделял его подчас чертами – и притом лучшими – своей собственной натуры. Не потому ли так проникновенно звучит в поэме обращенная к соратникам речь Сатаны, что мысли и чувства героя были хорошо знакомы его создателю?.. Присутствие мятежного, непокорного деспотизму начала в мироизмерении Мильтона... позволило ему вместо увековеченной библейским преданием условной фигуры создать в лице Сатаны яркую и живую индивидуальность, в которой вместе с тем безошибочно угадывались типичные черты современников поэта» [8, с. 234] Впоследствии Александр Анатольевич Чамеев окончательно отходит от практики искать героям «Потерянного рая» прототипы и исторические корреляты, и даже обличает ее в своей монографии «Джон Милтон и его поэма «Потерянный рай» (1986): «...Нельзя видеть в поэме иносказательную историю английской буржуазной революции, проводить прямые параллели между восстанием

падших ангелов в эпосе Мильтона и «великим мятежом» пуритан (Р. М. Самарин, С. Д. Артамонов). Подобный подход является примером неоправданной модернизации литературного памятника XVII в.» [9, с. 123].

В этом же русле развивает свою интерпретацию образа Сатаны и выдающийся российский милтоновед Андрей Николаевич Горбунов в предисловии к «Потерянному раю» в серии «Литературные памятники» (2006): «Неправомерна ... точка зрения, которую тоже иногда высказывают критики, ищащие в коварстве и лживости Сатаны черты сходства с поведением роялистов и самого Карла I. Подобные трактовки грубо искажают сложный замысел поэта» [10, с. 610]. А.Н. Горбунов, не отказываясь от традиции цитировать Белинского с его «апофеозой восстания» [10, с. 609], ссылается при этом и на многие англоязычные работы о Милтоне, в частности, на труд известного английского критика-марксиста Кристофера Хилла “Milton and the English Revolution” (1977), который иллюстрирует существующую и в западном литературоведении традицию искать параллели и прототипы милтоновским персонажам: “Satan, like Charles I, raised his standard in the north (V. 685-93)... Milton had spoken of ‘the false North’ in his sonnet to Fairfax... Satan came out of the north and west for the final temptation in ‘Paradise Regained’” [11, с. 372]. Хилл сравнивает мысли падших ангелов с чаяниями роялистов, верным ангелам приписывает чувства сторонников парламента, а ход битвы на небесах сопоставляет с развитием боевых действий в рамках гражданской войны: «The first battle in heaven was as inconclusive as Edgehill... Two days having passed (1642-4?), the third was God’s. The Son intervened with the same devastating effect as Fairfax’s New Model Army of the godly, sweeping all before it...” [11, с. 372]

Очевидно, что в англоязычной критике тоже существует тенденция отождествлять Сатану и его воинство с Карлом I и, соответственно, роялистами, что не кажется беспочвенным, учитывая, как часто рядом с именем Люцифера у Милтона оказываются царские и пародийно-монаршие титулы (“Hells’ Dreadful Emperor; Молох – “horrid King besmear’d with blood”; Сатана правит как тиран: “So spoke the fiend, and with necessity \\\ The tyrant’s plea, excused his devilish deeds”; он – “князь” (‘prince’), вождь (‘chief’), «great Sultan»:

High on a throne of Royal State, which far
Outshone the wealth of Ormus and of Ind,
Or where the gorgeous East with richest hand,
Showers on her king barbaric pearl and gold,
Satan exalted sat...

Paradise Lost, II [12, с. 381]

Эта точка зрения коррелирует с представлением о религиозно-политических взглядах Милтона-протестанта: «для республиканцев-пуритан монархическая власть, против которой они боролись, тем и была греховна, что представляла из себя узурпацию власти Бога как единственного истинного монарха» [13]. При этом Сатана у Милтона, вопреки стремлению некоторых критиков субъективно представлять его тираноборцем и революционером, фактически не является таковым: он восстает отнюдь не против существующего мироустройства с его иерархическим принципом, а против «несправедливости», мешающей ему самому стать во главе вселенской иерархии (в поэме событием, окончательно отвратившим его от добра и подтолкнувшим к грехопадению, стало назначение Мессии главным «наместником» Бога, что еще больше отдалило Сатану от желанного статуса властителя мира). Отпав от Бога, милтоновский Люцифер не создает альтернативной модели мироустройства на вверенной ему территории, но имитирует монархический строй, узурпировав власть и манипулируя своими «подданными». Являясь не только антагонистом Бога-отца, сколько пародией на него, он извращает все принципы, на которых зиждется власть Творца, и правит не в соответствии с духом любви, как это делает всеблагой всепрощающий Бог, а руководствуясь гордыней, макиавеллистическими принципами и собственным эгоизмом. Истинная власть для Милтона – только у Бога, который выступает в поэме и как создатель этого мира, и как любящий отец, и на этом основании единственный законный правитель мироздания. А с этим представлением сложно было смириться сначала европейским романтикам, увидевшими в милтоновском Люцифере непризнанного героя, страстного бунтаря и тираноборца, а потом и некоторым

советским критикам, которым трудно было принять трепетное преклонение Милтона перед высшим началом в лице Бога-Отца («конечно, религиозный фактор во всей его сложности оказал большое воздействие на поэзию Мильтона. Но есть все данные к тому, чтобы видеть в религиозном начале помеху полноценному развитию Мильтона-поэта, а не стимул его творчества») [3, с. 13], что свидетельствует о непреодолимом разрыве между идейно-философским содержанием поэмы Милтона и его рецепцией в советской критике. Тем не менее, наблюдения и гипотезы отечественных исследователей, были важным элементом формирующегося российского милтоноведения, и могут служить иллюстрацией к тезису Виссариона Григорьевича Белинского о том, что «на поэзию действует историческое движение обществ», с поправкой, что это же движение с не меньшей силой действует и на литературоведение и критику.

Список использованной литературы

1. Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья седьмая / В. Г. Белинский // Собрание сочинений в трех томах. – М., 1948. – Т. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0180.shtml.– Дата доступа : 15.11.2022.
2. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья первая / В. Г. Белинский // Собрание сочинений в трех томах. – М., 1948. – Т. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0180.shtml.– Дата доступа : 15.11.2022.
3. Самарин, Р.М. Творчество Джона Мильтона / Р.М. Самарин. – М.: Изд-во Московского университета, 1964. – 486 с.
4. Самарин, Р. М. Милтон в годы Реставрации. Поэмы «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». Трагедия «Самсон-боец» / История всемирной литературы. – М.: Изд-во Наука, 1987. – Том IV. – С. 204 – 209.
5. Аникст, А. А. Джон Мильтон / Джон Мильтон. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-боец. – М.: Художественная литература, 1976. – С. 5 – 27.
6. Аникст, А. А. История английской литературы / А. А. Аникст. – М. : Учпедгиз, 1956. – 464 с.
7. Артамонов, С. Д. История зарубежной литературы XVII-XVIII века // С.Д. Артамонов. – М. : Просвещение, 1978. – 616 с.
8. Чамеев, А. А. Джон Мильтон / Н. А. Жирмунская, З. И. Плавскин, М. В. Разумовская и др. История зарубежной литературы XVII века. – М. : Высшая школа, 1987. – 248 с.
9. Чамеев, А. А. Джон Мильтон и его поэма «Потерянный рай» / А. А. Чамеев. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. – 129 с.
10. Горбунов, А. Н. Поэзия Джона Милтона (От пасторали к эпопее) / Джон Милтон. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения. – М. : Наука, 2006. – с 581-648.
11. Hills, Christopher. Milton and the English Revolution / Ch. Hills. – New York, 1979. – 541 p.
12. Milton, John. Paradise Lost / J. Milton. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1998. – 1213 p.
13. Фридман, Семен. Сатана «Потерянного рая» – революционер или нет? / С. Фридман. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://22century.ru/popular-science-publications/satan> Дата доступа : 15.11.2022.

Н. Л. Сержант,

канд. филол. наук, доцент (Белорусский государственный педагогический университет, Минск,
Беларусь)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ ДЖОНАТАНА